

ГЛАВА 2

ДЕТИ И ТИШИНА НЕСОВМЕСТИМЫ

Мы ехали в родильное отделение — радостно взволнованные и влюбленные супруги, которые ждут мальчиков-близнецов, тридцать девятая неделя беременности. Через несколько часов наша семья станет больше. За последние месяцы мы сделали все, что принято делать, если в семье скоро появится малыш: заказали всевозможные детские принадлежности и переехали из крохотной «однушки», располагавшейся прямо над сэндвич-баром, куда ходили в основном холостяки, в тихий спальный район, где все гуляли с колясками.

Я вошла в предродовую палату одна, Юваль остался в коридоре. В случае с близнецами сначала всегда трудно найти сердцебиение, но я знала, где именно во мне находится каждый из них, — мы прожили втроем много месяцев. Тот, что справа, вел себя очень активно; его брат был поспокойнее, но тоже подавал свои сигналы. Я сказала акушерке, где их искать, и посоветовала начать с левого: «Сначала всегда

находят его сердцебиение, он более терпелив, — пошутила я. — А вот его брат совсем другое дело».

Я помню, как у нее ничего не получалось в течение нескольких минут, и я подумала, что она, вероятно, совсем неопытная.

— Вы здесь одна или вас кто-то сопровождает? — спросила она, а затем вышла в коридор, чтобы позвать Ювалья. В тот момент она уже знала — это будут последние секунды перед тем, как рухнет наша Вселенная.

Юваль выглядел встревоженным. Вслед за ним вошла акушерка, с ней был врач: они очень деликатно объяснили нам, что необходимо сделать УЗИ, чтобы определить сердцебиение плода. Юваль держал меня за руку, как и на всех предыдущих УЗИ. Врач посмотрел на экран, положил зонд и сказал, что жизнь в моей утробе остановилась.

Это была моя вторая беременность. Первая прервалась на двадцать третьей неделе. Убитые горем, мы со всей остротой переживали эту страшную трагедию. Через четыре месяца после того, как мы простились со старшей дочкой, я увидела на мониторе две пульсирующие точки, и мне показалось, что Бог с лихвой восполняет нашу утрату. В тех двоих, что пришли утешить мое материнское сердце, заключалась какая-то высшая справедливость: у меня будет двое детей, один заменит ребенка, которого мы потеряли, а другой станет ему братом или сестрой. Мы даже подумали, что наверняка где-то есть генеральный план всего происходящего на земле. Беременность протекала трудно, но, пройдя амниоцентез*, обозначивший рубеж, на котором

---

* Амниоцентез — проверка околоплодных вод, обычно проводится на шестнадцатой — двадцатой неделе беременности, цель исследования — выявление пороков и/или генетических заболеваний у плода. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

оборвалась первая беременность, мы почувствовали, что все страхи остались позади. Я могу рожать детей, у которых не будет генетических аномалий. Все шло хорошо.

В какой-то момент мне прописали постельный режим, потому что мое миниатюрное тело не справлялось с массой плода. Я вытягивала руки и кончиками пальцев дотрагивалась до своего живота. Больше всего я беспокоилась о том, влезу ли в свои джинсы после этого невероятного опыта, и очень хотела дотянуть до тридцать шестой недели, как велел мой гинеколог, чтобы избежать риска преждевременных родов. Я неукоснительно соблюдала постельный режим. Я отдыхала и наблюдала за беременностью, а она наблюдала за мной, но там, наверху, кто-то уснул на своей вахте.

Мертворожденные дети. Они не плачут, не дышат, не двигаются. Не издают ни одного звука. Они заснули и больше никогда не проснутся. До двадцать второй недели беременности, если с плодом что-то не так, возможен аборт. Если нарушение возникает позже, женщине, как правило, приходится рожать. Все идет так же, как и при обычных родах: родовспоможение, стимуляция, схватки. Иногда плод умирает в утробе матери, например, из-за какого-то дефекта или проблем с пуповиной, но в большинстве случаев, как и в нашем, никто не знает, что пошло не по плану.

Как справиться с этим ударом? По правде говоря, никак. Полтора часа я кричала и выла нечеловеческим голосом. Мои веки распухли от слез — в тот момент я со всей полнотой осознала истинный смысл фразы «выплакать все слезы». Именно тогда я поняла, что самое трудное еще впереди. Мне предстояло родить мертвых детей, но прежде мы должны были сообщить о случившемся нашим родителям: мы должны были позвонить моему отцу, такому заботливому и любящему, и родителям Юваля, которые все эти месяцы ждали

появления близнецов. Мой отец примчался через полчаса. Еще спустя полчаса приехали родители Юваля. Всего несколько раз в жизни я видела, как плачет мой отец, и этот раз был самый тяжелый.

Наши родители сидели у родильного зала в окружении взволнованных людей, без пяти минут бабушек и дедушек, и слушали все новые и новые известия о полном раскрытии, стойких матерях и идеальных младенцах. Когда отец обнял меня, я смогла произнести только три слова: «Прости меня, папа». Я просила прощения за разочарование, боль и печаль, которые они испытывали, за то, что не оправдала их надежд — не подарила им внуков.

Наверное, я почувствовала, что смогу облегчить страдания близких, если сама буду сильной, если заставлю себя склеить осколки своего сердца. Ради себя, ради Юваля, ради наших родителей. Именно тогда нам на помощь пришел черный юмор. Я даже не помню, что конкретно я сказала, но мы от души похохотали. Мы смеялись и плакали. И как раз в те минуты, в разгар истерического смеха и мучительных рыданий, я поняла, что мы справимся, что у меня хватит мужества, чтобы заглянуть в свою душу и найти пару капель радости для себя и для тех, кого я люблю больше всего на свете. У меня все будет хорошо, и у них тоже все будет хорошо.

Восемнадцать часов спустя я изо всех сил тужусь и рожаю моего первого сына. Я была уверена, что первым появится тот, кто справа: в животе он демонстрировал характер первенца. Но, похоже, он пропустил брата вперед. Через несколько минут к первому присоединяется второй — тот, который был справа. Медработники убеждают меня взять детей на руки, попрощаться с ними и поцеловать их. Одна из акушерок говорит, что они очень красивые, мои мертвые младенцы, и что прощание — важная часть процесса скорби. Но если я их увижу,

я сойду с ума. Я просто знаю, чувствую сердцем, что та крошечная жизнь, которая еще теплилась во мне в той родильной палате, перестанет мне принадлежать, если я возьму их на руки — моих мертвых детей. «Какая же ты мать, если даже не хочешь попрощаться со своими детьми?» — думаю я, пока меня зашивают. Все тело болит, перед глазами туман, но я четко осознаю, что должна спасти себя. Мне, как и жене Лота, нельзя туда смотреть, иначе я превращусь в соляной столп*. Ради того, чтобы выжить, я решаю быть матерью, которая бросает своих мертвых детей. В этот день, 7 марта 1999 года, в родильной палате № 6 я выбираю жизнь.

В том же году министерство здравоохранения запретило использование лекарственных препаратов для прекращения выработки грудного молока. Дома, стоя под душем, я почувствовала, что все тело ноет, швы невыносимо болят, а из груди капает молоко. Ужасное ощущение. Я очень хотела поскорее вернуться домой и принять душ, но никто не подготовил меня к этому тяжелому моменту, когда из моей груди начнет сочиться молоко, напоминая, что мне некого кормить. Я опустилась на пол душевой, по телу струилась вода, из груди текло молоко, а из глаз — слезы. Роды остались позади, но впереди была вся жизнь.

— Поздравляю! — кричал бакалейщик, и парикмахер, и милая дама из соседней квартиры, и другие хорошие люди, которые не знали, что произошло в нашей жизни, а меня больше всего огорчало то, что мой ответ на эту дежурную фразу поставит их в неловкое положение. Я смотрела на себя

---

* Лот — библейский праведник, живший в Содоме вместе с женой и двумя дочерьми. Во время разрушения Содома Бог спасает Лота и его семью, единственное условие — ни Лот, ни его близкие не должны оглядываться назад. Жена Лота нарушила запрет — она посмотрела на горящий город и в наказание превратилась в соляной столп.

в зеркало и выходила на улицу, ничуть не изменившаяся внешне, но опустошенная и сломленная внутри. Я наблюдала за прохожими и пыталась угадать, чья душа так же растерзана, как моя. Весь этот камуфляж из одежды, улыбок, макиажа и уверенной походки — сплошной обман, откровенная ложь. Ах, если бы все несчастные, страдающие люди носили какие-нибудь маленькие метки, чтобы мы вели себя с ними поосторожнее, например лишний раз улыбались бы им, — не жалея их, а просто предлагая скромное утешение.

Через две недели пребывания дома мы понимаем главное: жизнь коротка — и мы с Ювалем выбираем счастье. Мы цепляемся за нашу любовь друг к другу. Мы летим в Нью-Йорк, потому что он на другом конце света, далеко от сочувственных взглядов добрых людей. Мы надеемся, что перестанем жалеть себя и вспомним о величайшей истине: мы можем пережить наше горе, наша душевная близость принесет нам огромное счастье, а счастье — это выбор, который мы делаем каждый день.

Три недели мы гуляли по Нью-Йорку, тратили деньги и любили друг друга. И это сработало. Год спустя, 9 марта, родился Эяль — три килограмма двести шестьдесят граммов счастья. А когда я впервые взяла его на руки, живого и хныкающего, я попрощалась с моими умершими детьми. Они были со мной, в моем сердце. Я плакала от радости, которую подарила мне эта встреча, и от скорби, которая означала расставание с теми, другими детьми. Я плакала, потому что победила, и оплакивала тех, кого потеряла. Но прежде всего я плакала потому, что плакал мой сын, и это было так прекрасно — слышать плач ребенка в родильном зале.

Когда ребенок не плачет, тишина подобна грому, а не безмолвию. В душе матери, оплакивающей свою умершую мечту, свои пустые руки и надежды на встречу, которым не суждено

СМЫСЛ МОЕЙ ЖИЗНИ

сбыться, есть все что угодно, кроме тишины. Я не знаю, почему это случилось со мной, но я точно знаю, что произошло благодаря всему случившемуся. Я знаю, что горе еще больше сблизило нас с мужем и помогло нам взрастить новую любовь, и эта любовь выдержала один из тяжелейших ударов, которые судьба может нанести двадцативосьмилетним супругам.

Я знаю, что мы выстрадали право на жизнь, обрели способность сопереживать, научились верить и быть сильными. Произошедшая трагедия сделала нас теми родителями, какими мы сегодня стали. Я знаю, что трое детей, которые умерли в моей утробе, изменили меня, и теперь я совсем иначе отношусь к воспитанию своих пятерых детей. Знаю, что ради них я справляюсь с ежедневными трудностями материнства, и благодарю судьбу за каждый брошенный мне вызов. Знаю, что мне дарована честь по-настоящему ценить плач ребенка и вообще любые слезы, потому что я была там, где дети никогда не плачут.

Этот горький опыт по-прежнему живет в моей душе, в ее укромном уголке. В очень важном месте, которое напоминает мне, что нужно радоваться жизни; но здесь же и глубоко сокрытая, незаживающая рана, пылающая от тоски по младенцам, с которыми мне не суждено было встретиться. Эта часть моей души не исчезла, я сохранила ее и просто закрыла входную дверь. Когда я вижу женщину с коляской для близнецов, я думаю о своей разбитой мечте и мысленно обнимаю себя, а потом возвращаюсь домой, включаю очень громкую музыку и танцую с детьми на нашей кухне, потому что дети и тишина несовместимы.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

